

по сравнению с ранними статьями Алданова образ “даровитого дегенерата” претерпел у него некоторые изменения. В философском трактате акцент сделан не на позерстве большевистского революционного деятеля, – за ним признается важность той роли, которую он сыграл в истории русской революции» (с. 227).

Некоторое изменение тональности в алдановских сочинениях о Троцком исследовательница связывает с преждевременной насильственной гибелью последнего. Вместе с тем в «Ульмской ночи» Алданов «искусно создает иронический эффект, помещая Троцкого в высокий наполеоновский контекст. Наполеон у него выступает в качестве мерила исторической значимости политических деятелей, в каком-то смысле можно говорить о том, что он является своего рода приемом у Алданова. Объясняя, почему Троцкий был вынужден доказывать, что большевики не собирались захватывать власть 4 июля 1917 г., он констатирует, что ответственность за неудачный переворот целиком ложится на Троцкого – вторую по значимости фигуру среди большевиков после Ленина, который в это время был болен». Именно Троцкий накануне неудачного восстания в Таврическом дворце вечером 3 июля заявлял, что власть должна перейти к Советам. Если бы переворот удался, Троцкий стал бы Наполеоном революции.

Очевидно, что заочная полемика с «недонаполеоном русской революции» лежит в основе многих алдановских сочинений, посвященных этой теме, включает исследовательница. Очевидно также и то, что Троцкий в своих сочинениях по истории революции заимствовал некоторые сведения из эмигрантских источников, в том числе у близкого Алданову П.Н. Милюкова.

Т.Г. Юрченко

Зарубежная литература

2011.03.031. ЭЛЬЗАГЕ И. АМЕРИКАНЦЫ У ТОМАСА МАННА: СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И ОПЫТ ЭМИГРАЦИИ.

ELSAGHE Y. Thomas Manns Amerikaner: Stereotypie und Exilierung // The Germanic review. – Washington: Heldref publications, 2009. – Vol. 84, N 2. – P. 151–176.

И. Эльзаге (Бернский ун-т) выделяет в творчестве Томаса Манна (1875–1955) два периода (до пребывания его в США, и по-

сле), которым соответствуют существенно различающиеся подходы писателя к изображению американцев. Если в первый период очевидна стереотипизация образа американца, то в конце 1930 – начале 1940-х годов, после длительного пребывания в США, ситуация меняется – американец Томаса Манна приобретает индивидуальные черты, наделяется личным обаянием и эротической привлекательностью, его изображение требует привлечения реалий американской культуры и демократических ценностей. Позиция рассказчика эволюционирует от неприязненной в ранних текстах до заинтересованной в поздних.

В новелле «Тонио Крёгер» (1903) И. Эльзаге отмечает появление первых у Томаса Манна американцев: их четверо. В датском пансионате, куда приезжает Тонио Крёгер, в полупустом обеденном зале они составляют большинство. Рассказчик описывает их очень скупое, после всех остальных присутствующих, тем самым косвенно давая понять, что эти персонажи малоинтересны и не стоят внимания. Главная портретная характеристика – «длинные лица», однотипные у всех четверых. Американцы «пьют горячую воду», распространяя вокруг скуку, чужеродную атмосфере самого произведения. В отличие от остальных иностранцев, американцы в восприятии рассказчика демонстрируют и языковую «чуждость». Они говорят между собой по-английски, однако вставляют в свои реплики немецкие слова, относящиеся к окружающей реальности (меню), хотя находятся в этот момент вовсе не в Германии, а в Дании.

Стереотипность образов американцев выявляется далее в романе «Королевское высочество» (1909), где при более детальном рассмотрении генетически они оказываются скорее немцами (по материнской линии) или евреями (по отцовской), чем, собственно, американцами (Самуэль Шпёльман). В изображении «американской культурной ауры», их окружающей, И. Эльзаге обнаруживает допускаемые Т. Манном фактические ошибки (в частности, он наделяет некоторых персонажей странными и даже немыслимыми именами). Что касается языка, то хотя члены семейства Шпёльман и говорят между собой по-немецки, в их речи нередко присутствуют англоязычные выражения.

В новелле «Смерть в Венеции» (1912) американец только один, но он вновь оказывается прежде всего обладателем «длинного лица» (правда, на этот раз еще и «сухого»), «пьющим горячую

воду» и не представляющим никакого личного или культурного (в том числе «языкового») интереса: в отличие от других иностранцев, у него нет даже заслуживающего внимания акцента. И если образы русских характеризуются «природной плодovitостью», англичанки и француженки рассматриваются через призму женственности, то американец вновь максимально удален от «полюса эротической привлекательности» (с. 157) – это безличная фигура, причем, как всегда у раннего Томаса Манна, мужского пола.

Отмечает И. Эльзаге и то обстоятельство, что в романе «Волшебная гора» (1925) не выведен ни один американец, несмотря на то что действие романа разворачивается в международном легочном санатории, расположенном в Швейцарских Альпах, среди пациентов которого представители самых разных стран. Американцы присутствуют там только в качестве «умерших»: главный герой романа Ханс Касторп, приехав в санаторий, заселяется в комнату, которую до него занимала недавно умершая американка. И. Эльзаге высказывает предположение, что «американское», имплицитно отождествляемое с «призрачным», являет собой одну из «границ» художественного пространства романа. В подтверждение приводится эпизод с Эллиен Бранд, которой утром привиделась ее сестра, вышедшая замуж за американца, а потом выяснилось, что именно «в этот утренний час» ее сестра умерла в Нью-Джерси. Невозможность фактического совпадения «утреннего часа» в американском Нью-Джерси с «утренним часом» в санатории полностью игнорируется писателем, как и другие характеристики «живой» Америки, что, наряду с подчеркнуто безличными, схематизированными фигурами американцев в других произведениях, создает «призрачный», «неживой», «стереотипный» образ. Ситуация меняется лишь после длительного пребывания писателя в США.

Противоположная картина, считает исследовательница, складывается в поздней новелле «Обманутая» (1954), повествующей об истории трагической любви немецкой аристократки и «среднестатистического» американца, черты которого предстают скорее «типическими», чем «стереотипными» (с. 162). Это «новое лицо, честно говоря, не заслуживающее особого внимания, не отмеченное работой духа, принадлежало молодому человеку лет двадцати четырех, американцу, заброшенному сюда войной, который некоторое время уже жил в городе и здесь и там давал уроки английско-

го...» (цит. из «Обманутой», с. 162). У этого молодого американца впервые есть своя история, прописанная с симпатией и знанием реалий. И. Эльзаге отмечает в этой истории некоторые нестыковки: так, пройдя всю войну, Кен просто по возрасту не мог закончить колледж, а его отец, родившийся самое позднее в начале 1900-х, едва ли имел возможность работать на бензозаправке, которых почти не было в 1920-е годы. Интересно, что Кену «плевать на Америку», а вот европейскую культуру и историю он любит, историю места, где разворачивается действие новеллы, знает лучше, чем все члены немецкой семьи.

Языковые характеристики «типичного» американца тоже претерпевают изменения. Кен Китон, как и его стереотипные предшественники, вставляет в речь целые английские предложения, однако впервые в текстах Т. Манна англицизмы переходят и в речь рассказчика. С особой точностью, предполагающей внимание и интерес к особенностям американского варианта английского, в новелле описывается произношение Кена Китона, дающего урок языка детям. Таким образом, заключает исследовательница, этот американский персонаж впервые в творчестве Томаса Манна не только имеет собственную историю, но и порождает собственную культурно-историческую и языковую реальность. Отмеченные особенности персонажей-американцев выявляются также в поздних главах незаконченного романа «Приключения авантюриста Феликса Круля» (1954).

Е.В. Соколова

2011.03.032. РИБЬЕН К. ПИСАТЬ СТИХИ, ДУМАТЬ, ЧИТАТЬ: КОНЦЕПЦИИ ЧТЕНИЯ У ПАУЛЯ ЦЕЛАНА И МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА.

REBIEN K. Dichten, denken, lesen: Theories of reading in Paul Celan and Martin Heidegger // The Germanic review. – Washington: Heldref publications, 2009. – Vol. 84, N 1. – P. 59–83.

К. Рибьен (ун-т г. Сан-Диего, Калифорния) проводит параллели между философскими взглядами выдающегося австрийского лирика XX в. Пауля Целана (1920–1970) и знаменитого немецкого экзистенциалиста Мартина Хайдеггера (1889–1976). Многие литературоведы и критики (Э. Штайгер, Дж. Лайон и др.) отмечали «следы» Хайдеггера в поэзии Целана (ряд мотивов, некоторые ме-